

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОУ ВПО «ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Сборник научных трудов

ВЫПУСК III

Барнаул 2009

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*;
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*;
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*;
доктор исторических наук *А.А. Тишкин*;
доктор исторических наук *А.В. Харинский*;
доктор исторических наук *С.А. Яценко*;
кандидат исторических наук *Ю.И. Ожередов*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник научных трудов / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Азбука, 2009. – Вып. III. – 332 с.

ISBN 978-5-93957-363-4

В сборнике представлены результаты изучения мировоззрения народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в разные исторические периоды. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов традиционных обществ, а также религиозно-правовым проблемам. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

ISBN 978-5-93957-363-4

Сборник подготовлен и издан при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/Г, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»)

На обложке: антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
I. Религиозные верования и обряды древних и средневековых народов Центральной Азии и сопредельных территорий	
<i>Д.С. Байгунаков</i> Некоторые античные авторы о религиозных представлениях народов Центральной Азии.....	8
<i>М.В. Головизнин</i> «Православно-буддистский диалог» и его культурно-исторические последствия в Южной Сибири XVII–XVIII вв.	19
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников	36
<i>М.В. Егорочкин</i> Военная идеология древних тюрков (по материалам орхонских и енисейских письменных памятников).....	64
<i>А.В. Запорожченко, К.В. Луговой</i> Индоиранские инициационные ритуалы и их отражение в осетинском нартовском эпосе	77
<i>В.Е. Ларичев</i> Панно изображений богов и «записей» времени: «прочтение» знаково-образных «текстов» святилища Хачурт (реконструкция однолетних и многолетних систем счисления лунно-солнечных циклов в культуре палеометалла Центральной Азии)	87
<i>О.К. Михельсон</i> Феноменология религии и исследование ранних форм культуры.....	105
<i>Ю.И. Ожередов</i> Новая находка Г.Н. Потанина на «Монгольской тропе».....	112
<i>К. Петросян</i> Анимистические представления в верованиях сюнну (по китайским источникам)	122
<i>К.А. Руденко</i> Конь в погребальном ритуале населения Предуралья в VI–IX вв.: восток или запад?	125

Н.И. Рыбаков
«Процессия» – памятник согдийско-енисейских культурно-исторических взаимосвязей..... 137

Ю.Б. Сериков
Шайтанское озеро – «святое» озеро древности 161

II. Современные этноконфессиональные процессы и традиционные верования народов Южной Сибири и Центральной Азии

В.А. Бурнаков
Медведь и Эрлик-хан как существа высшего порядка в традиционном мировоззрении хакасов 177

Г.Н. Варавина
Погребальная одежда эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.) 182

Б.А. Досова
Новые (нетрадиционные) религии: миссия на территории Казахстана..... 187

Э.В. Енчинов
Имянаречение – первичная социализация ребенка в алтайской культуре 194

В.М. Мендешева
Образ Бай-Ульгения и Аба-Эрлика в традиционном мировоззрении алтайцев..... 200

А.С. Мишукова
Экологический аспект религиозного мировоззрения в культуре тувинцев 207

В.В. Николаев
Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая.... 213

Д.А. Николаева
Архетипы женского культа в традиционной культуре бурят Предбайкалья..... 223

Н.А. Тадина
Обрядовая символика бурханистов 229

И.Н. Трошкина
Трансформация семьи в Хакасии (аксиологический аспект)..... 239

М.С. Уланов
Буддизм в современной России: традиция или модернизация 248

<i>В.В. Ушницкий</i> Воинские ритуалы и обряды якутов: илбис Түгэри (обряд вселения духа кровожадности в война).....	252
<i>Н.И. Шутова</i> Типы и разновидности деревенских святынь Камско-Вятского региона в XVII–XX вв.....	260
<i>Т.С. Ябыштаев</i> Об этнических маркерах алтайцев в свете реконструкции мировоззренческой системы	272
III. Религия и политика в государствах Центральной Азии	
<i>А.С. Жанбосинова</i> Эволюция законодательно-правовой политики государства в отношении религиозного культа в 20-е гг. XX в.	279
<i>Р.В. Новожеев</i> Атрибуты власти в кочевых социумах средневековья.....	291
<i>Р.Ш. Нуриден</i> Конфессиональная политика Казахстана	296
<i>Р.Ю. Почекаев</i> Особенности формирования правовых воззрений кочевников Центральной Азии.....	301
<i>Э.Г. Торушев</i> Новая политика по отношению к религии в Горном Алтае (20–30-е гг. XX в.)	312
<i>М.Ш. Шарифов</i> Восточная идеократическая государственность.....	317
Список сокращений	324
Сведения об авторах	325

Иванова А.И. Великорецкие святыни в фольклоре Вятского края // Живая старина. 2004. №4. С. 41–44.

Коршунков В.А. Обряд на Нижнем Потоке и Великорецкий крестный ход: Почитание водных источников в Вятском крае // VIII Герценовские чтения. Киров, 2002. С. 77–83.

Коршунков В.А. Общественно-мировоззренческая традиционность как фактор развития российской государственности // Уроки Вульфсона. Казань, 2003. С. 297–310.

О древних памятниках в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860. С. 145–152.

Попова Е.В. Гординский надгробный камень «святая могила» – памятник чепецких татар и бесермян // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Ижевск, 2004. С. 167–177.

Приказчикова Ю.В. Священные деревья и столбы-часовни в культурном ландшафте юга Вятского края // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Ижевск, 2004. С. 178–191.

Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Ижевск, 2004. С. 36–66.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. 304 с.

Шутова Н.И. Святилища в окрестностях д. Малый Дасос: К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Ижевск, 2004а. С. 154–166.

Шутова Н.И. Средневековые святилища Камско-Вятского региона: Опыт идентификации // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004б. С. 129–137.

Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРАХ АЛТАЙЦЕВ В СВЕТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ*

В целях реализации регионального проекта РГНФ (№09-03-61302а/Т) нами был собран этнографический материал по развитию этноса в современных условиях, когда в Республике Алтай стало популярным родовое движение алтайцев. Настоящая статья посвящена роли этнических маркер-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №09-03-61302 а/Т, «Возрожденный зайсанат и Госсобрание – Эл Курултай Республики Алтай – от обычного права к государственному в свете современной этничности»).

ров алтайцев по данным ландшафтной лексики, проявляющейся при реконструкции мировоззренческой системы народа. С целью изучения вопроса была адаптирована методика полевых исследований и научного анализа, как-то: сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы, метод этнографического наблюдения и вырабатываемый нами в полевой работе метод опроса на языке изучаемого этноса.

К числу существенных этнических признаков относится язык. В нем отражены особенности культурно-языковых традиций, которые способствуют выявлению новых сведений о развитии этнического сознания и позволяют реконструировать мировоззренческую систему народа. В этом отношении языковой материал выступает универсальным материалом, выполняя особую роль в этнической интеграции и дифференциации. Важной характеристикой этноса выступает ландшафт как среда обитания и развития. Имеющиеся в языке термины ландшафта косвенным образом могут свидетельствовать о том, как долго жил народ на данной территории. При этом возможно реконструировать события: если этнос пришел на изучаемую территорию из других мест с иным ландшафтом, то эта перемена среды обитания может определенным образом отражаться на обозначении элементов ландшафта в его языке.

Полевые материалы, собранные по проекту, освещают этнокультурные традиции, основанные на этническом сознании. Их анализ позволяет утверждать, что на сегодняшний день алтайский язык выступает актуальным этническим маркером, т.е. по степени знания родного языка судят о принадлежности к алтайскому этносу. Главным ориентиром в этом выступает территориальный фактор: иными словами, проживание в том или ином районе свидетельствует об этнических особенностях – о принадлежности к определенной этнотерриториальной группе, которой присущ свой диалект, локальные варианты обрядов и обычаев, степень утраты традиционной культуры в результате ассимиляции. Эти этнографические различия, соотносимые с территориальным делением, выступают главным ориентиром этнических маркеров у алтайцев.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что этнокультурные особенности локальных групп алтайцев обусловлены природно-ландшафтными условиями. Северная часть Горного Алтая представляет собой предгорье, покрытое тайгой, центральная расположена в нижнем течении Катунь с мягким микроклиматом и выступает переходным регионом к ландшафтам высокогорья. Еще миссионером В.И. Вербицким (1893) было введено деление алтайцев на «северных» и «южных» по территориально-ландшафтному признаку, распространившемуся в историко-этнографической литературе.

При этом российские путешественники и исследователи XVII–XIX вв. видели и отмечали в тюркском населении Русского (Горного) Алтая единую этническую общность (Радлов В.В., 1989; Ядринцев Н.М., 1891). Не

случайно северные этнические группы (тубалары, челканцы, кумандинцы) и южные алтайцы (теленгиты, алтай-кижи) в прошлом веке составляли единый этнос и до сих пор осознают свое этнокультурное отличие по диалекту, в быту, обычаях, что обосновывается территорией проживания и их этническим развитием.

Географическое положение северных алтайцев предопределило их судьбу: они оказались в большей степени ассимилированными в русскоязычной среде и утратившими знание родного языка, но сохранившими этническое самосознание (Назаров И.И., 2006; Функ Д.А., Шерстова Л.И., 2006). Для южных алтайцев, как менее ассимилированных, знание родного языка является главным этническим маркером и поэтому большинство из них с раннего детства говорит на родном языке. В силу большей сохранности таких признаков, как знание родного языка, соблюдение родовых обычаев, сохранение бытовой и обрядовой культуры, южные алтайцы всегда выражали надменность над северными группами, утратившими свое этническое «я», прозвав их «туба», в смысле «этнический маргинал». Отсюда вытекают причины прошлых травм этнического сознания северных алтайцев, выраженных в противостоянии стереотипов восприятия «*су алтай*» (истинный алтаец) и «*туба*» (обрусевший алтаец), приведших к групповым обидам, во многом определивших идею о дроблении алтайцев на отдельные этносы (Тадина Н.А., 2008, с. 178–184).

Алтайцы издревле расселены в пределах Алтайских гор, их северной части, называемой Горным Алтаем. Для русских степного Алтая они являются жителями гор, о которых обычно говорят: «*спустились с гор*». У местных русских, живущих в основном по низовью Катунь, существует определение «*с верхов*», под которым подразумевается, что речь идет об алтайцах, живущих в районах, расположенных вверх по течению реки. При этом русские Горного Алтая называют русских степи Алтайского края «*степскими*», что в алтайском языке звучит так: «*чӧлдин улусы (орустары)*» (люди (русские) степей). Эта осознаваемая на уровне этнического сознания резкая грань между жителями верховий и низовий, гор и степей сформировалась в их традиционном мировоззрении и проявляется в названиях этнических общностей, данных соседями по самой характерной особенности ландшафта (Ябыштаев Т.С., 2009, с. 191–192).

Следует отметить, что в названиях своей этнической группы особенности ландшафта, как правило, не отмечают. Например, у народа горной местности региона не принято определять себя как «жителей гор», потому что окружающий ландшафт привычен, а своеобразная природа соседнего региона отличает его народ. Так, в языке алтайцев, являющихся древними горными жителями, обнаруживается детальное подразделение гор: например, гряда гор, средних по высоте, называется «*кыр*»; цепь гор равной высоты – «*сын*»; высокие горы именуются «*туу*»; самые высокие горы в вершинах рек – «*тайга*». На особенности восприятия ландшафта алтайца-

ми как местными жителями и русскими переселенцами обратил внимание Г.П. Потанин. В примечаниях к фольклорному сборнику Н.Я. Никифорова он отметил: «...алтайское представление о тайге не соответствует тому, которое мы привыкли соединять со словом *тайга* (в предгорье. – Т.Я.), с представлением о густом лесе на равнине» (Потанин Г.Н., 1915, с. 14).

Для ландшафта Горного Алтая характерно чередование горных хребтов (Катунский, Аргутский, Семультинский и др.), межгорных степей (Уймонская, Чуйская и др.) и речных долин (Урсульская, Каракольская, Чарышская и др.). У алтайцев существует традиция определять место проживания по реке, а именно по речной долине. Традиция проживания в речной долине образует своеобразную территориальную единицу, сосредоточенную вдоль реки и окаймленную горными хребтами. Так, этнотерриториальная группа алтай-кижи расселена по бассейнам Чарыша (Усть-Канский р-н Республики Алтай), Песчаной (Шебалинский р-н), Катуня (Чемальский р-н). Например, этнотерриториальная группа алтай-кижи в Онгудайском районе состоит из нескольких подгрупп, именуемых по названию рек: «каракольских», «урсульских», «яломанских», Усть-Канском районе – «кан-ябоганских» и «чарышских», Шебалинском – «чергинских» и «бешичинских», Усть-Коксинском – «абайских» и «оймонских» (Тадина Н.А., 2008, с. 178–184).

Речная долина осмысливается как этническая, семейно-родовая территория, родной край человека, поэтому не случайно, называя свое имя, свой сёок-род, называют и реку, в долине которой вырос. Например, если собеседник из долины р. Каракол, то он относится к числу «истинных» алтайцев – су-алтай, последователей бурханизма, а если проживает в долине р. Чемал, где активная ассимиляция, значит, он является обрусевшим – туба, если из долины р. Чуи, то, следовательно, относится к этнотерриториальной группе теленгитов и пр. Разделение южных алтайцев на алтай-кижи и теленгитов соответствует ландшафтным особенностям. Теленгиты, как жители высокогорья, надменно называют алтай-кижи нижнего течения Катуня «*тёмёртинин*», вкладывая в это определение подверженность ассимиляции в русскоязычной среде.

Горный Алтай разнообразен по природно-ландшафтным условиям, в нем юг как горный край, отличен от севера. Его северная часть, предгорье, покрыта тайгой и охватывает Чойский, Турачакский и Майминский районы. Таежный образ жизни северных алтайцев дал им общее название «*јиш-кижи*», которое сложно перевести однозначно – «житель густых лесов предгорья» или «житель тайги», «таёжник». Об этом отмечал Г.Н. Потанин (1915, с. 40): «Тиш (јиш) дремучий хвойный лес, то, что русские зовут тайгой или чернью». Другая часть северных алтайцев, расселенная в долине р. Бии и впадающих в нее р. Лебедь и притока Байгол, осознает себя как единая территориальная группа с общим названием,

например, «куу-кижи», (куу – «лебедь»), означаящим «жители по р. Лебедь» или «лебединцы».

Сторонники деления алтайского народа на ряд этносов ставят основным аргументом наличие локальных особенностей в каждой этнотерриториальной группе. Во-первых, территория формирования и сосредоточения группы южных и северных алтайцев не может быть одним из главных аргументов превращения ее в этнос. В природном и этносоциальном отношении эти регионы образуют единый Горный Алтай. Во-вторых, диалектные отличия языка теленгитов или тубаларов не могут являться причиной для выделения их в отдельный этнос, как правило, любой язык состоит из диалектов. В-третьих, локальные отличия в бытовой и обрядовой культуре не следует раздувать до степени особых обрядов отдельного народа, наличие их свидетельствует о разнообразии природных и социальных условий формирования народа: так, сегодня теленгиты в большей степени скотоводы, а тубалары огородники. В силу таких хозяйственно-культурных особенностей у группы вырабатываются бытовые и обрядовые отличия, например, на свадьбе южных алтайцев почитание родственников выражается в подношении им той или иной части туши: у теленгитов – баранья голова, у алтай-кижи – баранья грудинка и крестец от конской туши (Тадина Н.А., 2008, с. 178–184).

Издавна в речной долине и высокогорной степи коренное население развивалось на разной материальной основе со своеобразной мировоззренческой системой. Анализ собранного этнографического материала по проекту позволил осветить ряд проблем взаимодействия природной среды, конкретно, ландшафта, и этноса, в условиях которого он формируется. Изучение обрядовой культуры показывает, что каждый ее элемент несет на себе конкретную знаковую символику числа (чет-нечет), почитание возраста (младшим старшего), единство миров (природы и людей), отражающих особенности мировоззренческих представлений алтайского народа.

Наименование этнической группы по названию реки, в долине которой она расселена, свидетельствует о взаимосвязи ландшафта и этноса. В данной работе мы сосредоточили свое внимание на небольшой группе слов, обозначающих ландшафтные реалии региона. Речь идет о взаимосвязи слов «гора – степь», «гора – река», «гора – речная долина», «верховье – низовье», связанных с обозначением обособленных групп этноса в условиях окружающего их ландшафта. Как удалось выявить, ландшафтная лексика используется в мировоззренческой системе алтайцев и местных русских для характеристики образа соседних этнических групп (Тадина Н.А., 2007, с. 150–153).

Особый интерес представляет мировоззренческая позиция в определении этнических маркеров у алтайцев. Известно, что представление народа об окружающей природе, ландшафтной среде является одним из компонентов этнической культуры. В первую очередь, включение природных

процессов и географических объектов в мифологическую систему, сложившуюся на архаической стадии формирования культуры. Издавна коренное население Горного Алтая развивалось на разной материальной хозяйственно-культурной основе и формировалось в этнические группы со своим названием. В традиционном сознании народа сложилось особое представление о значимости реки как образа Родины. Этот символ выступает в образе матери – «эне» или отца-«ада»: например, в фольклорных текстах песен встречаются определения «Беш-эне» – река-мать Песчаная или «Урсул-ада» – «отец-река Каракол».

Река почитаема, поэтому ее исток связывается с сакральным центром, недоступным для человека. Верховье реки представляет собой особый ландшафт, как правило, это высокогорный регион, покрытый тайгой. У алтайцев существует запрет подниматься на такие горы, особенно женщинам, как ритуально нечистым, а также ставить жилье в верховье реки, а в случае нарушения этого запрета река «накажет» и «унесет» благополучие семьи. В мировоззрении алтайцев начало реки связано с образом «пупа земли», «мировой горы». Самая полноводная река Катунь берет начало у самой высокой вершины – Белухи, называемой в народе «Кадын-Бажы Ыч-Сүмер» – «Исток Катунь Трехвершинная», а сама «мировая река» именуется «Эне-Кадын киндиктү» – «Мать-Катунь, имеющая пуповину (т.е. вершину)». В этих семантических названиях прослеживается связь горы и реки, небесного мира и земной жизни, ландшафта и этноса.

В освещаемом контексте река выступает как жизненно важное условие развития этноса и его культуры, о чем свидетельствует история многих древних цивилизаций. В этническом сознании алтайцев, как одного из древних центрально-азиатских народов, есть целостная концепция человеческого бытия, ориентированная на осознание единства человека с окружающим миром. Человек не может быть свободным от своих этнических корней, которые помогают ему видеть мир так, и не иначе. В трактовки этнической картины мира понятие «мир» следует воспринимать как результат переработки информации о природной, социальной и бытовой среде этноса. Эта мировоззренческая картина формирует и поддерживает чувство этнической общности, формируемое в условиях ландшафта, и передает его от поколения к поколению, выступая гарантом самосохранения этноса.

Как показывает собранный этнографический материал по проекту, изучение этнокультурных традиций выявляет своеобразие восприятий этнических общностей по их названиям, складывавшихся сообразно реалиям ландшафта региона – *гора, река, долина*. Данные понятия можно рассматривать в качестве базовых, отражающих особенности представления алтайского этноса об окружающей среде и своем месте в ней. Изучение ландшафтной лексики позволяет пролить свет на чрезвычайно актуальные вопросы формирования этнического сознания и эволюции традиционного

мировоззрения в ландшафтных условиях региона в логической взаимосвязи «этнос – ландшафт – мировоззрение».

Библиографический список

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893.

Назаров И.И. Кумандинцы // Тюркские народы Сибири. М., 2006.

Потанин Г.Н. Примечания к сборнику // Аносский сборник. Омск, 1915.

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.

Тадина Н.А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия АлтГУ. Барнаул, 2008. №4/2 (60). С. 178–184.

Тадина Н.А. Опыт реконструкции модели мировоззрения алтае-саянских кочевников на основе этнокультурной символики алтайцев // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 150–153.

Функ Д.А. Алтайцы / Д.А. Функ, Л.И. Шерстова // Тюркские народы Сибири. М., 2006.

Ябыштаев Т.С. Об этнической ситуации в республике Алтай // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Кемерово, 2009. С. 191–192.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.